«КАЖДЫЙ СТАРИК — КОРОЛЬ ЛИР»

Лит. Россия. — 1995. — 24 марта. — с. 15.

Когда Андрей Борисов поставил в Якутске на сцене русского драматического театра «Три разговора (повесть об антихристе)» В. Соловьева, театральная Россия была удивлена. С именем Борисова всегда ассоциировались две темы: одна была связана с постижением классической драматургии (пример тому — спектакль по пьесе Н. Гоголя «Женитьба»), а другая с Севером (достаточно вспомнить спектакли «Ханидо и Халерха», «Желанный голубой берег мой», инсценировки произведений П. Ойунского). И вдруг — обращение к исканиям русских философов.

ЗА ЯКУТСКИМ РЕЖИССЕРОМ — НЕСКОЛЬКО ПОКОЛЕНИЙ РУССКИХ СВЯЩЕННИКОВ

Интерес к постижению религиозной России возник у Борисова не в одночасье. Когда он родился, то один из его родственников, человек очень набожный, совершил сразу три обряда — покормил огонь, помолился и, кроме того, по северному обычаю заколол оленя. Жили тогда Борисовы в глухой деревушке на севере Якутии — в Кобейском районе. Отец учительствовал, мать работала фельдшером. Когда сынишка чуть подрос, они переехали на берега Лены. Новая же деревня запомнилась мальчишке прежде всего красивой церковью, поставленной над самой рекой. А еще в памяти паренька остался сельский киномеханик в рясе. И не в те ли детские годы Борисов впервые осознал свою причастность к роду священнослужителей (его прадеды по материнской линии Березкины были русскими священниками).

А непосредственно к творчеству Соловьева его подтолкнули книги Алексея Лосева. И так получилось, что со временем Соловьев стал одним из самых близких Борисову по духу философов. Может, потому, что он предчувствовал многие катаклизмы наших дней.

Над сценарием работал весь театр. Борисов вслух на сборе труппы читал философа, и какие эпизоды ложились артистам на душу, те и включались в спектакль. А в итоге получилась инсценировка словно про сегодняшний день. Соловьев, оказалось, еще в 1900 году предвидел, как трагически Россия будет заканчивать век двадцатый. Не случайно в финале один из героев говорит, что занавес этой исторической драмы опускать рано. Так оно и есть: драма жизни пока не исчерпана и потоки людской крови не остановлены.

ТРАГЕДИЯ МАТЕРЫ — СКВОЗЬ ВОСПРИЯТИЕ ТУНГУСКИ

В разные годы Борисова приглашали ставить спектакли во многие московские театры. Но он принял предложение только Дорониной — поставить во МХАТе «Прощание с Матерой». Может, потому, что мысли Распутина о спасении человеческой души оказались созвучными его настроению.

Работая над постановкой, режиссер часто вспоминал бабушку. Она долго болела, а когда умирала, попросила: «Внучонок, поверни меня на спину». Когда он повернул, бабушка сказала: «Спасибо». Но как! Борисова поразила ее интонация. А утром он узнал, что бабушка умерла. И что-то сразу померкло в душе. Вместе с ней ушли и необыкновенные прибаутки, которые будили его в далеком детстве. Спектакль «Прощание с Матерой» Борисов решил поставить в память о бабушке.

А саму трагедию Матеры режиссер выразил прежде всего через образ тунгуски. Она мрачной тенью почти весь спектакль молча бродит по сцене, точно живой призрак, и только раз открывает свои уста, чтобы проронить всего несколько слов: «Здесь жили наши предки. Было их столь много, как звезд на небе. Но все же они испарились, как туман. А теперь земли предков вы обрекли на затопление. Значит, подступили времена, когда от них и имени не останется...» А что еще ужасней может быть для народа, когда не только умирают прямо на глазах последние его представители, но исчезает даже имя этого народа, и ничто уже не будет напоминать о нем. Трагическое начало в спектакле усиливалось «Всенощным бдением» Рахманинова и горловым якутским пением.

Сам Распутин, посмотрев спектакль, признавался, что если бы ему пришлось повесть писать заново, то он бы тунгуску обязательно сделал главной героиней.

ОБРАЩЕНИЕ К ЧЕХОВУ

Многие годы отношение Борисова к Чехову выражалось всего одним словом: «Ненавижу». Но режиссер даже себе боялся признаться в том, что это далеко не так. Просто в нем говорила ревность. Ему казалось, что у Чехова все расписано до мельчайших подробностей, надо только выйти на сцену и сыграть. Иное дело — Гоголь. Его «Женитьба», по мнению Борисова, явно несрежиссирована, но именно поэтому Борисову и захотелось поставить Гоголя, чтобы найти свое решение.

Андрей БОРИСОВ.

Фото В. ЗАГУМЕННОВА.

И вот в национальном драматическом театре имени П. Ойунского премьера чеховской «Чайки» на якутском языке. Что же произошло с Борисовым? Почему он все-таки обратился к Чехову?

— Может, потому, что Чехов сейчас необходим якутам даже больше, чем москвичам, — отвечает Борисов. Наша интеллигенция переживает растерянность. Она вдруг почувствовала свою ненужность. Многое утратилось. Ее сегодня может встряхнуть или какое-то страстное воззвание в стиле знаменитого письма Кулаковского «Якутской интеллигенции», или, как это ни парадоксально, вот эти утонченные, рефлексирующие чеховские персонажи. Раньше все мои спектакли утверждали национальное сознание. А тут я делаю резкий уход в поиски смысла жизни, даже в поиски профессии. Кто я? Для чего рожден? Кстати, это во многом перекликается с якутским олонхо. Там тоже звучат вопросы: откуда я родом, кем рожден и в чем смысл жизни. Хотя, понимаю, здесь может возникнуть другая проблема: зачем вообще якутам нужен Чехов, ведь якуты — никакие не дворяне, и глаза у них не такие, как у чеховских интеллигентов. Но тут все зависит от того, как воспринимать Чехова. Лично мне толчок к этой постановке дала статья Михаила Бахтина «Искусство и ответственность», написанная еще в 20-е годы. Когда я перечитал Бахтина, я понял, какая идея будет проведена через весь спектакль — идея ответственности, ответственности искусства перед жизнью и жизни перед искусством, матери перед сыном, младшего поколения перед старшим.

«ОТ МЕХА — К ЖЕЛЕЗУ»

Теперь Борисов собирается ставить «Короля Лира» Шекспира. Почему именно эту пьесу? Во-первых, по форме она близка якутскому олонхо. Эта пьеса и переведена на якутский язык Саввой Тарасовым в архаичном стиле. Во-вторых, уж очень «Король Лир» актуально сейчас звучит. А для якутов особенно. Может, из-за резкого перелома, произошедшего в сознании людей старшего поколения. Как считает Борисов, у якутов сегодня каждый старик — король Лир.

Режиссер уже знает, кого он пригласит на главную роль, — Ефима Степанова, запомнившегося зрителям по спектаклю «Желанный голубой берег мой». Постепенно Борисов нашел и формулу спектакля — «От меха — к железу».

Вот уже пять лет Андрей Борисов — министр культуры Республики Саха. Конечно, совмещать обязанности чиновника и режиссера тяжело. Он и сам чувствует, как трудно ему бывает после министерских дел с ходу включаться в театральные репетиции, нужно какое-то время, чтобы передохнуть и настроиться на работу с актерами. И совсем по-другому ощущает себя Борисов, когда попадает в министерство после репетиций.

— Я же режиссер, — поясняет он, — организатор каждого действа. И обязанности министра для меня не есть что-то совершенно чужое, непонятное. Ведь в министерстве я тоже постоянно ставлю свои спектакли, будь то совещания или заседания коллегии, даже аппаратные интриги я рассматриваю как своего рода спектакли.

Вячеслав ОГРЫЗКО

ЯКУТСК — МОСКВА